

Щит и меч

На пути к стратегической совместимости
России и США в глобальной системе
безопасности XXI века

ТИМОФЕЙ БОРДАЧЕВ, КИТ ДАРДЕН

ДОКЛАДЫ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО БУДУЩЕМУ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ВЫПУСК 4
МАЙ 2014 Г.

us-russiafuture.org

WORKING GROUP ON THE FUTURE OF U.S. - RUSSIA RELATIONS
РАБОЧАЯ ГРУППА ПО БУДУЩЕМУ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Щит и меч

На пути к стратегической совместимости
России и США в глобальной системе
безопасности XXI века

ТИМОФЕЙ БОРДАЧЕВ, КИТ ДАРДЕН

ДОКЛАДЫ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО БУДУЩЕМУ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ВЫПУСК 4
МАЙ 2014 Г.

us-russiafuture.org

WORKING GROUP ON THE FUTURE OF U.S.- RUSSIA RELATIONS
РАБОЧАЯ ГРУППА ПО БУДУЩЕМУ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рабочая группа по будущему российско-американских отношений

Рабочая группа по будущему российско-американских отношений объединяет экспертов из ведущих американских и российских организаций для решения сложнейших вопросов двусторонних отношений обеих стран. Объединяя новое поколение ученых в дискуссиях и обсуждениях, она следует цели – проведение инновационного анализа и выработка стратегических рекомендаций, наиболее точно отражающих общие принципы, объединяющие США и Россию, которые часто страдают от взаимного недоверия. Мы убеждены, что наш уникальный истинно двусторонний подход обладает наилучшими перспективами для поднятия на новый уровень взаимного понимания и снятия разногласий между нашими странами.

Опорной точкой Рабочей группы в США является Центр российских и евразийских исследований им. Дейвиса Гарвардского университета. С российской стороны главными партнерами выступают Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (факультет мировой экономики и мировой политики), а также Совет по внешней и оборонной политике.

Рабочая группа по вопросам будущего российско-американских отношений выражает благодарность Корпорации Карнеги (Нью-Йорк), Национальному исследовательскому университету «Высшая школа экономики», Институту «Открытое Общество», Фонду МакАртуров, Международному дискуссионному клубу «Валдай» и г-ну Джону Когану за финансовую поддержку деятельности Рабочей группы, включая издание настоящего доклада.

Ответственность за выводы, сделанные в настоящем докладе, а также выраженные в нём мнения, несут авторы настоящего доклада.

© Все права защищены. 2014, Тимофей Бордачев и Кит Дарден.

Вопросы просьба направлять по адресу:

Working Group on the Future of U.S.-
Russia Relations
c/o Kathryn W. and Shelby Cullom
Davis Center for Russian and Eurasian
Studies
Harvard University
1730 Cambridge St., Suite S301
Cambridge, MA 02138
Тел.: (617) 496-5684
Факс: (617) 495-8319
<http://us-russiafuture.org>

Рабочая группа по будущему
российско-американских отношений
Центр комплексных европейских и
международных исследований
Факультет мировой экономики и
мировой политики НИУ ВШЭ
Москва, ул. Мытная 46 стр. 6, офис 209
Тел. (495) 772-95-90 * 22187
Факс (495) 771-32-52
E-mail dsuslov@hse.ru
<http://us-russiafuture.org>

Полный текст настоящего доклада на русском и английском языках находится на странице: <http://us-russiafuture.org/publications>. В наличии есть ограниченное количество печатных экземпляров. Чтобы заказать экземпляр, напишите нам по адресу: info@us-russiafuture.org.

Содержание

- iv Краткое содержание
- 1 Введение: Холодная война в исторической перспективе
- 4 Часть первая: Стратегическая стабильность в холодной войне
- 10 Часть вторая: Ситуация в сфере безопасности после холодной войны
- 15 Часть третья: возможные источники безопасности
- 21 Выводы
- 24 Библиография
- 26 Выражение признательности
- 27 Об авторах

Краткое содержание

За четверть века прошедшие с окончания холодной войны мир значительно изменился. Однако, как Россия, так и США в вопросах безопасности по-прежнему полагаются преимущественно на сдерживающий потенциал своих мощных ядерных арсеналов, накопленных за годы холодной войны. При этом, хотя ядерный удар и остается основной угрозой их существованию, его вероятность значительно уменьшилась. За последние десятилетия возник новый ландшафт безопасности, с новыми потенциальными угрозами. Рост могущества Китая, возросшая способность других государств проецировать силу за пределами собственных границ и перевес США в неядерных вооруженных силах создают новые возможности и новые угрозы. Эти угрозы не рассматривались в менее сложных условиях раннего этапа холодной войны, когда были выработаны основные подходы к ядерной стратегии и отношениям между Россией и США.

Возможности двух стран и их потенциальных противников за последние 25 лет также резко изменились. В вопросах безопасности ориентиры России сместились, и она теперь почти полностью полагается на свой наступательный ядерный потенциал в качестве фактора сдерживания вероятных противников, и использует компактные обычные силы для защиты национальных интересов в непосредственной близости своих границ. США же расширили свои неядерные возможности и начали более активно развивать противоракетную оборону. Эти изменения, происшедшие за последние два десятилетия, привели к тому, что философия холодной войны в области ограничения вооружений и политики безопасности в отношениях между США и Россией устарела и требует фундаментальной переоценки.

Этот доклад предлагает по новому взглянуть на отношения между Россией и США в области военного и стратегического сотрудничества, в частности в области ядерной стратегии и ядерных сил. Наша цель – дать практичную, реалистичную оценку, для того, чтобы помочь сформировать отношения между Россией и США в краткосрочной перспективе. Любая реалистичная стратегия безопасности должна учитывать эти изменения, которые по нашему мнению делают традиционный подход к ограничению вооружений путем симметричных сокращений ядерных сил несостоятельным. В частности, мы предлагаем заменить стремление к «ядерному паритету» и «стратегической стабильности» достигаемой гарантированным ответным ударом, которые превалировали во времена холодной войны на «стратегическую совместимость», основанную на признании отличий в структуре вооруженных сил России и США.

«Стратегическая совместимость» подразумевает способность партнеров сохранить их оптимальные вооруженные силы и наступательные возможности, не угрожая в то же время оборонным возможностям партнера и обеспечивая тем самым прочную основу для стратегической стабильности при отсутствии доверия с обеих сторон. Мы пришли к выводу, что способность нанести предупреждающий ядерный удар, системы противоракетной обороны, концепция «запуск по предупреждению» и другие системы безопасности, которые считались дестабилизирующими в атмосфере повышенной напряженности времен холодной войны, стали стабилизирующими в текущем контексте и дают возможность сократить ядерные арсеналы, обеспечивая при этом большую степень безопасности и прозрачности.

Для преодоления препятствий и дальнейшего развития российско-американского сотрудничества в области военной безопасности настоящий документ предлагает практичную, реалистичную оценку, для того, чтобы сформировать российско-американские отношения в краткосрочной перспективе. Мы делаем следующие выводы:

- Ядерные арсеналы должны быть ограничены на уровне, который позволил бы каждой стороне иметь надежный наступательный потенциал. Принимая во внимание современную технологию обнаружения пуска и наличие минимальной прозрачности в отношениях между США и Россией, ограниченный наступательный ядерный потенциал – способный причинить неприемлемые потери нескольким противникам одновременно – но не обязательно после внезапного контрсилевого удара – должен быть более чем достаточным для стабильного сдерживания в отношениях Россия –США.
- Системы противоракетной обороны (ПРО), даже если они разработаны в одностороннем порядке, не обязательно должны быть дестабилизирующим фактором, если допустить, что достижение полной симметричности вооруженных сил не реально и не нужно.
- Стратегическая совместимость, а не паритет, обеспечивает безопасность.
- Симметричные сокращения ядерных сил больше не проводят к симметричным результатам в области безопасности для России и США. В современных условиях большая безопасность для обеих стран будет достигнута в краткосрочной перспективе если США и Россия обладают разным, но совместимым набором систем безопасности, при котором США увеличивает свой оборонительный потенциал (как неядерные силы, так и ПРО) а Россия, прежде всего, сосредотачивается на поддержании гарантированного наступательного ядерного потенциала как средства сдерживания. Это эффективно обеспечит безопасность обеих стран посредством обороны или сдерживания в отношении как третьих сторон, так и друг друга.
- Прозрачность повышает безопасность. Четкое понимание потенциала каждой страны, и как он разворачивается, а также своевременное предупреждение об их разворачивании, повышает безопасность обеих стран.

Доклад состоит из четырех частей. Введение рассматривает основополагающие принципы стратегической стабильности, достигнутой во время холодной войны, в широком историческом контексте. Мы утверждаем, что период 1945 – 1989 гг. был своего рода аномалией. Краткий обзор ключевых конфликтов показывает, что сегодняшний набор угроз и ресурсов больше напоминает период до 1945 года. В первой части мы анализируем меры безопасности времен холодной войны; во второй перемены в сфере международной безопасности, происшедшие с 1989 года, в результате которых стратегии времен Холодной войны обеспечивавшие в то время безопасность, сегодня устарели. Третья часть описывает подход к достижению безопасности на основе совместимости стратегий, а не паритета – в частности путем совмещения систем ПРО США с сохранением потенциала каждой страны для эффективного ядерного удара как фактор стабильного сдерживания.

Введение: Холодная война в исторической перспективе

Несмотря на недавнее обострение в отношениях между Россией и США, холодная война в ее классическом понимании, несомненно, закончилась. И все же мышление времен холодной войны – а также и международная политическая система, созданная в тот период – остаются основной точкой отсчета для большинства из тех, кто сегодня занимается вопросами отношений между Россией и США в сфере безопасности. Даже те, кто предлагает новые модели международной безопасности, возвращаются к эпохе холодной войны, потому что технические параметры (ядерное оружие) и политические и юридические основы взаимного сдерживания между Россией и США были заложены в период ядерного противостояния. На деле, взаимоотношения между США и СССР во время холодной войны были основаны на уникальных условиях, которых больше не существует, и которые были крайне необычными. Наш поиск стабильных и прочных механизмов обеспечения безопасности должен быть основан на исторических прецедентах.

- Соперничество времен холодной войны между Советским Союзом и Соединенными Штатами имело определенные черты, которые отличали его от всех конфликтов, предшествующих ему сотни и даже тысячи лет назад:
- Соперничество между сверхдержавами было основано на (новоприобретенной) смертоносной вражде.
- Обе стороны обладали несомненным потенциалом уничтожить друг друга.
- У СССР и США была относительно симметричная мощь и сила.
- Соперники сталкивались с ограниченным числом других угроз для их безопасности.

С другой стороны, большинству исторических соперничеств было характерно следующее:

- **Продолжительная, но не смертоносная вражда.** Отношения между великими державами были недружественными, но без «смертельной вражды» - соперники не считали, что их оппонент не имел права на существование. См. например, баланс сил в XIX в.; европейские державы XVIII в.; участники Тридцатилетней войны; Великобритания, Франция и Испания в XVI в; Рим против Парфянского царства и, позднее, Сасанидов, а ранее египтяне против хеттов.

- **Страны не обладали способностью физически уничтожить своих противников.** Противники не имели возможности полностью уничтожить население своих стран-врагов. Скорее, противостояние и взаимное (отрицательное) признание под этим подразумевавшееся лежали в основе мира, достигнутого в результате переговоров и созданной в 1815 году Венской системы или и Вестфальского договора 1648 года. Эти системы были способны обеспечивать мир на протяжении целого столетия или даже дольше. (Да, региональные войны имели место, но они не вносили значительных изменений в международную систему.)
- **Баланс сил между потенциальными противниками не был основан на симметрии.** Важные военные соперничества были основаны на, если так можно выразиться, взаимодополняющей асимметрии. С XVI по XIX вв. Британия полагалась на свою подавляющую военно-морскую силу для сдерживания французской угрозы наземного вторжения – точно так же, как и Афины когда-то сдерживали Спарту. В Семилетнюю войну 1754 – 1763, Фридрих Великий с его 2.5 млн. пруссаков успешно сопротивлялся Франции Людовика XV с населением 24 млн. человек. Аналогичный дисбаланс в численности существовал между силами Римской империи (350 000 человек) и Парфянского царства (армия из 60,000 человек), хотя кавалерия последнего в значительной степени компенсировала недостаток в численности. Еще раньше, индийские слоны сумели полностью остановить продвижение Александра Великого и его могучих воинов.
- **Страны сталкивались с многочисленными угрозами их безопасности.** Угрозы обычно появлялись с разных сторон, не позволяя никому сосредоточиться на одном отдельно взятом противнике. На Австро-Венгерскую Империю напали в середине XIX века Франция и Пруссия, точно так же как ранее король Франции Людовик XIV подвергся нападению с юга, востока и северо-запада. То же самое имело место и в древности, когда парфяне опасались как римской Сирии, так и атак племен с востока и севера, а Египет защищался как от хеттов, так и от ливийских кочевников.

Стабильность в период холодной войны была уникальным явлением, порожденным не столько разрушительной силой ядерного оружия, сколько разительным идеологическим отличием сторон. Идеологическая конфронтация определила первую и, пожалуй, главную отличительную черту, сделавшую холодную войну столь не похожей на другие системные конфликты на международной арене: «смертельная вражда» стала краеугольным камнем взаимодействия между США и СССР.¹

Несмотря на то, что интенсивный конфликт идеологий не является чем-то новым в истории международных отношений, холодная война была первым соперничеством, в котором обе стороны считали уничтожение соперника конечной целью их внешней политики и имели реальные возможности для достижения этой цели почти мгновенно. Эта смесь идеологического антагонизма и способности уничтожить врага в любое время (что в условиях стратегического паритета также означало самоуничтожение) делал биполярность холодной

¹ «Смертельная вражда» в том смысле, в котором мы используем этот термин, также описывает взаимоотношения между нацистской Германией и СССР, но это условие не относится ко всем великим державам, и в этом случае ситуация не длилась достаточно долго для того, чтобы стать системой.

войны менее гибкой по сравнению с другими международными системами. Для отношений между США и СССР это означало стабильность – но лишь до тех пор, пока обе стороны были в состоянии поддерживать стратегический баланс.

Учитывая то, что нынешняя международная обстановка больше напоминает ситуацию в давние исторические времена задолго до холодной войны, поиски стабильных, двусторонних мер безопасности должны основываться на существующих условиях, а именно:

- Россия и США остаются в большей степени соперниками, чем предполагалось еще недавно, но ни та, ни другая сторона не считает, что противник не имеет права на существование.
- Ни США, ни Россия не считает, что уничтожение противника усилило бы международную безопасность.
- Двусторонние отношения больше не основываются на принципе достижения безопасности посредством симметрии.
- Россия и США сталкиваются с многочисленными угрозами своей безопасности, некоторые из которых являются общими (например, укрепление Китая, терроризм негосударственных структур, насилие со стороны сепаратистских движений по всему миру, пиратство, экологические проблемы, незаконный оборот наркотиков и эпидемии).

Часть первая: Стратегическая стабильность в холодной войне

Теории ядерного сдерживания были разработаны на ранних стадиях холодной войны, в оригинальной стратегической обстановке. В 1950-е гг. как США, так и Советский Союз предполагали, что их противник с высокой вероятностью был нацелен на их полное уничтожение. Технология тех времен не позволяла четко зафиксировать внезапное нападение и, таким образом, первый (контрсиловой) удар мог бы быть весьма эффективным, лишив государства противника возможности нанести ответно-встречный ядерный удар.

Ранние теоретики ядерного сдерживания в США считали эту ситуацию крайне нестабильной. По мнению большинства ранних ядерных стратегов, нестабильность проистекала не от враждебных намерений или антагонизма между США и СССР (который они считали само собой разумеющимся), а от уязвимости ядерных сил при неожиданном контрсиловом ударе. Эта уязвимость давала каждой из сторон стимул ударить первой. Секретный отчет Объединенного комитета начальников штабов США в 1947 году назвал внезапный контрсиловой удар основной угрозой безопасности США. В «СНБ-68», основополагающем стратегическом документе США ранней фазы холодной войны, утверждалось, что «владение инициативой и фактор внезапности дают большое преимущество» в ядерной войне.² Один из самых влиятельных образов того времени был предложен Альбертом Уольстеттером, описывавшим США и СССР как двух ковбоев на Диком Западе, находящихся в ситуации «убей или будешь убит», когда необходимо стрелять первым, чтобы выжить. Томас Шеллинг описывал ситуацию как неожиданную встречу двух врагов, где на кону стоит жизнь, и каждый имеет стимул ударить первым в целях «самооборонь», чтобы не дать противнику возможность ударить себя. Стало общепринятым понимание, что США и СССР находятся в ситуации, когда их ядерные арсеналы необходимо было «задействовать чтобы не потерять», что рано или поздно должно было привести к их задействованию. Этот взгляд нашел свое отражение, как в научной литературе, так и в секретных оценках правительства США.

По сравнению с американским пониманием роли ядерного потенциала в двустороннем балансе сил, советская теория на раннем этапе холодной войны была значительно проще. Для СССР ядерное оружие было просто новым типом бомбы с огромным разрушительным потенциалом, которую необходимо было заполучить, но которая вряд ли изменит характер войны. Москва в первую очередь была озабочена тем, что ядерная монополия США ставила под угрозу ее войска в Восточной Европе и угрожала территории СССР, при этом оставляя саму Америку практически неуязвимой. Приобретение ядерного потенциала Советским Союзом решило эту стратегическую проблему и подтолкнуло две страны к краю пропасти стратегического балансирования.

² <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm>

В начале 1950-х гг. американские стратеги считали, что основное решение этой проблемы лежит в создании и сохранении стопроцентной способности нанести «второй удар», т.е., способности принять на себя контрсилу удар противника и сохранить при этом достаточный потенциал для эффективного ответа. Документ «СНБ-162/2» указывал еще в 1953, что для того, чтобы стабилизировать американско-советский стратегический баланс необходимо, чтобы структура ядерных сил делала контрсилу удар изначально бесперспективной.³ В докладе Киллиана, написанном по заказу президента Эйзенхауэра и выпущенного в феврале 1955 года, предполагалось, что начиная с середины 1960-х гг. США и СССР «окажутся в ситуации, когда ни одна из сторон не сможет победить, поскольку каждая будет обладать многомегатонным арсеналом ядерного оружия и достаточными средствами их доставки... [так, что] фактор внезапности не сможет повлиять на исход ядерной войны, потому что каждая страна сохранит достаточный остаточный потенциал, чтобы прорвать оборону другой страны и уничтожить ее, независимо от того, кто провел первую атаку».⁴

Комитет Гэйтера в 1957 подтвердил мнение, что сдерживание будет зависеть не от чистого баланса ядерных сил, а от способности нанести ответный ядерный удар. К 1958 году, когда состоялась Конференция по предотвращению внезапного ядерного нападения, эта основная концепция была формально закреплена и укоренилась в широких кругах американских аналитиков и политиков.⁵ Шеллинг сформулировал это со своей обычной ясностью в статье, подготовленной для конференции - позже опубликованной в под заголовком «Обоюдный страх внезапного нападения»: «Взаимное сдерживание» следует искать не в «балансе», понимаемом как равенство или симметрия сил, а в стабильности баланса. Ситуация симметрична, но не стабильна, если одна из сторон, нанеся первый удар, может полностью лишить другую сторону способности нанести ответный удар, и ситуация стабильна, если каждая сторона может уничтожить другую независимо от того, ударит ли она первой или второй – то есть, когда никто, нанеся первый удар, не сможет лишить противника возможности ударить в ответ.⁶

Хотя цель и не была сформулирована как «стратегическая стабильность» вплоть до 1970-х гг., уже начиная с 1950-х научные работы гг. последовательно утверждали, что решение проблемы внезапного нападения следует искать в изменении структуры сил, чтобы сделать ядерное оружие менее уязвимым и тем самым ограничить соблазн нанести первый удар. Это формула устойчивости, основанная на неизбежности ответного удара, оставалась краеугольным камнем ядерной стратегии США на протяжении всего остального периода холодной войны и продолжает действовать по сей день.

Советские стратеги никогда писали никаких основополагающих доктрин, типа тех, что публиковались в США, и обсуждения внешней и оборонной политики всегда оставались под грифом «совершенно секретно», с ограниченным доступом лишь для лиц, непосредственно принимающих решения и специалистов.

³ Gerson 2013, стр. 7.

⁴ Цитируется по Gerson 2013, стр. 16. Официальный доклад написан Советом по технологическим возможностям Консультативного комитета в области науки Администрации управления обороны. Председатель Совета - советник Эйзенхауэра в области науки Джеймс Р. Киллиан.

⁵ Schelling, Forward, 2013, стр. VI.

⁶ Schelling, Surprise Attack, 1958, стр. 4. Цитируется по Gerson, 2013, стр. 33. Шеллинг ссылается на Уэльстеттера, который первым развил эту идею. См. Schelling 2013.

Но это не означает, что за советской ядерной стратегией не стояло никакой доктрины или, по крайней мере, какой-то общей базовой концепции. Советские политические лидеры и военный истеблишмент находились под сильным влиянием Великой Отечественной войны: Никита Хрущев и Леонид Брежнев, как и все министры обороны Советского Союза кроме последнего, Евгения Шапошникова, прошли войну. Этот факт определял советское понимание ядерного потенциала. Военная доктрина СССР, у которой никогда не было широкой теоретической основы, не нуждалась в отдельной ядерной стратегии. Стратегические и нестратегические элементы были одинаково неотъемлемыми частями концепции готовности страны к новому глобальному конфликту. В некотором роде это было продолжением видения ядерного потенциала, который существовал на начальных стадиях холодной войны: несмотря на то, что ядерное оружие стало со временем более мощным и его роль в потенциальном конфликте возросла, оно все равно считалось в советской стратегии не более чем еще одним, крайне мощным, типом оружия. Любой сценарий глобальной войны включал в себя массированный танковый удар, несмотря на то, что в ядерный век танковым войскам, скорее всего, будет нечего занимать.

Тем не менее, Москва тоже показала способность и стремление к мирному сосуществованию. Карибский кризис прекрасно продемонстрировал, что, несмотря на то, что СССР был готов к новой мировой войне, он не намеревался ее начинать. Это означало, что советские лидеры пришли к тому же выводу, что и их американские коллеги – а именно, что поддержание «стратегической стабильности» является единственным способом достижения национальной безопасности для обеих сторон. С советской точки зрения США и СССР не преследовали общую стратегию гарантированного взаимного уничтожения (MAD), а попросту сдерживали друг друга благодаря своей огромной военной мощи.

Эта концепция стратегической стабильности лежала в основе большей части ядерной стратегии США, а также их подхода к международным переговорам по ограничению вооружений. Все, что понижало эффективность ответного удара считалось дестабилизирующим фактором. Паритет в размере сил США и СССР имел важное значение, поскольку никакой первый удар не может быть в полной мере эффективным, если число боеголовок агрессора не превышает существенно число целей, из чего следует необходимость ограничения ядерных вооружений. Стало необходимо иметь крупный арсенал, потому что требовалось, чтобы количество боеголовок, оставшихся после внезапного нападения, было достаточным, чтобы нанести ощутимый удар по противнику.⁷

Более того, Шеллинг, Гальперин и др. в конце 1950-х гг. хотели, чтобы Советский Союз достиг паритета с США в размере своих ядерных сил – чтобы у него появился гарантированный потенциал ответного удара и было меньше стимулов для задействования ядерного оружия в условиях кризиса.⁸ И, наконец, ядерные силы, как США, так и СССР должны были быть достаточно разнообразными и рассредоточенными, чтобы быть защищенными от эффективного контрсиллового

⁷ Schelling and Halperin, 1961. Удар «достаточного возмездия» определил Макнамара разрушением в размере 20-25 процентов населения СССР и 50 процентов его промышленного потенциала. Yost, 2011, стр. 15.

⁸ Schelling and Halperin 1961.

удара. При разных технологических спецификациях первым шагом было создать арсенал межконтинентальных баллистических ракет (МБР), рассредоточенных и помещенных в защищенных шахтных пусковых установках (ШПУ) в дополнение к существующим флотилиям стратегических бомбардировщиков, и баллистическим ракетам, запускаемым с подводных лодок в качестве третьей опоры ядерной «триады». Однако основным принципом безопасности оставалась не поддающаяся сомнению способность нанести гарантированный второй удар.

Позиция США в ключевых переговорах по ограничению ядерных вооружений всегда соотносилась с этой целью. Все, что могло бы повысить эффективность внезапного контрсилового удара считалось дестабилизирующим фактором, и все, что повышало эффективность ответного удара считалось стабилизирующим. Подход США к переговорам об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ) 1 и 2, переговорам по ядерному оружию промежуточной дальности и ОССВ сосредоточивался на достижении паритета и оптимального размера сил, необходимых для того, чтобы сохранить сдерживание.⁹

Например, оппозиция США размещению Советским Союзом ракет с разделяющейся головной частью с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН) объяснялось не тем, то они могли бы сдвинуть стратегический баланс в пользу СССР. В основе американских возражений было то, что ракеты РГЧ ИН увеличивают соблазн первого пуска: удар одной боеголовки выводит из строя сразу несколько боеголовок, так что для Москвы может оказаться предпочтительней запустить их на упреждение или по получению раннего предупреждения. Ракеты, обладающие большей скоростью и точностью, считались, таким образом, дестабилизирующим. Ракеты, на которые было трудно или невозможно четко нацелиться (как на пример мобильные пусковые установки и баллистические ракеты подводных лодок) давали больший эффект стабилизации. Наведение ракет на населенные пункты был стабилизирующим фактором, на ядерных установки нет. Поскольку в целом СССР разделял этот подход – но не обязательно его мотивацию – в большинстве случаев такие переговоры приводили к компромиссу – как это было в случае ОСВ 1.

Системы ПРО

Неприятие систем ПРО также было обусловлено сохранением «стратегической стабильности» посредством неотвратимости ответного удара. Оппозиция США к системам противоракетной обороны, результатом которой явился договор 1972 года, проистекала из опасений, что подобные системы ограничат эффективность второго удара, а не то, что они когда-либо смогут противостоять первому удару.¹⁰ СССР был также заинтересован в том, чтобы наложить ограничения на системы противоракетной обороны, но он стремился минимизировать ее негативное влияние на стратегический баланс.

⁹ Договор по ядерным силам средней дальности должен был «обеспечить равенство как в ограничениях, так и в размере допустимых сил для США и Советского Союза».

¹⁰ Adler, 1992.

Системы ПРО способны защитить от небольшого арсенала (например, такого, которым располагал в то время Китай), но в отношении США и России, стороны просто подняли бы технические требования к их ракетам, чтобы они были способны выдержать атаку ПРО и пробить оборону противника. Возможность защититься от советского первого удара всегда считалась в Америке химерой. Поэтому когда системы ПРО впервые обсуждались в правительстве США в середине 1960-х гг., было признано, что они не давали никакого стратегического преимущества в американо-советских отношениях, но были способны с большой долей вероятности временно дестабилизировать отношения с СССР. В конечном итоге, их единственным результатом было бы то, что обеим сторонам пришлось бы поддерживать равновесие с арсеналами большей численности.¹¹ В условиях, когда обе страны представляли друг для друга первостепенную угрозу, было несложно прийти к согласию по ограничению систем ПРО, тем более что они не имели никакой надежды быть эффективными.

Однако советские стратеги времен холодной войны никогда не разделяли американскую точку зрения, предполагающую достижение стратегической стабильности путем взаимно-гарантированного второго удара. На протяжении всего этого периода Советский Союз продолжал разрабатывать оружие, которое бы позволило ему нанести более эффективный контрсилевой удар: более быстрые, точные ракеты несущие крупный боевой заряд, причем развернутые в местах, которые делали их уязвимыми для первого удара – что увеличивало вероятность того, что они будут запущены по предупреждению. Это оружие было дестабилизирующим с американской точки зрения и согласуется со «стратегией войны», которую многие приписывали СССР в тот период.

Точные детали советской доктрины труднее получить, чем доктрины США (которые теперь есть в открытом доступе), но СССР до конца 1980-х гг. продолжал работать в направлениях, которые ограничили бы эффективность американской ответного удара. Современные российские источники объясняют советскую заинтересованность в переговорах по ограничению вооружений в 1970-е гг. не стремлением достичь «стратегической стабильности» или совместно ограничить риск ядерного запуска. Заместитель министра обороны России Анатолий Антонов считает, что СССР был мотивирован тем, что он уже добился ядерного паритета с США и достиг понимания того, что ядерное превосходство недостижимо.¹² Дальнейшие расходы на ядерное оружие имели низкий полезный коэффициент и соглашения о поддержании паритета на нижнем (и более дешевом) уровне считалось приемлемой «альтернативой» более предпочтительного варианта гегемонии или победы.

Даже если СССР и США не разделяли видение стратегической стабильности на основе гарантированного второго удара, результатом гонки вооружений в холодной войне и сопутствующих ей договоров стал тот факт, что каждая из сторон имела в своем распоряжении крупные ядерные силы, способные выстоять после первого контрсилового удара и нанести ответный ядерный удар с неприемлемыми потерями для противника. Возможно этот период не был столь уж стабилен, как предполагали Шеллинг и другие (имело место несколько

¹¹ Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XI, Doc 171.

¹² Анатолий Антонов. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М., РОССПЭН, 2012, стр. 17.

кризисов, сбоях и почти катастроф), но необходимость нанести упреждающий ядерный удар для того, чтобы не дать врагу уничтожить свой потенциал, возможно, уменьшилась до такой степени, что не существовало никакого соблазна инициировать ядерную войну – и это при том, что отношения между двумя странами оставались враждебными. Паритет и симметрия сил США и СССР были ключевыми принципами во всех раундах переговоров по ограничению ядерных вооружений.

Часть вторая: Ситуация в сфере безопасности после холодной войны

Как отмечалось во введении, обстановка в плане безопасности после окончания холодной войны сильно отличается от периода ранней холодной войны. Мы здесь анализируем последствия трех основных компонентов этой новой ситуации в области безопасности: относительное улучшение в отношениях между Россией и США, рост военной мощи Китая и новых угроз, а также превосходство неядерного военного потенциала США.

Улучшение отношений

Основным и существенным изменением является изменение стратегических целей России и США, а также изменение характера их отношений друг с другом. Если начало холодной войны характеризовалось открытыми угрозами взаимного уничтожения и крайне ограниченной информацией, то период после окончания холодной войны был отмечен относительно более дружественными отношениями между США и Россией в условиях большей прозрачности. Риск внезапного ядерного контрсилового удара одной из сторон стал теперь настолько несущественен, что его бессмысленно использовать в качестве отправной точки для формирования политики.¹³ Это очень значительная перемена, так как именно угроза внезапного нападения определяла политику в сфере безопасности с самого начала холодной войны. Как будет показано ниже, многие из сил и структур, обеспечивавшие снижение данной угрозы, в изменившейся ситуации больше не востребованы.

После распада Советского Союза и к настоящему времени уровень враждебности между США и Россией существенно снизился. Несмотря на то, что отношения между США и Россией остаются холодными, они больше не дерутся как скорпионы в банке (Оппенгеймер)¹⁴, не ведут себя как ковбои, готовящиеся к перестрелке (Уольстеттер), и не похожи на двух случайно встретившихся в ночи незнакомцев (Шеллинг). Они больше похожи на нелюдимых (и хорошо вооруженных) гостей на вечеринке: у них мало симпатий друг к другу, но они по-

¹³ Министерство обороны США определило, что внезапного первого удара «скорее всего, не произойдет», и больше не считает такую возможность главной основой планирования; оно также больше не считает различия в относительных размерах ядерных арсеналов США и России как угрозу стратегической стабильности. См. «Доклад о стратегических ядерных силах Российской Федерации в соответствии с Разделом 1240 Национального закона о финансировании обороны на 2012 отчетный год.» Министерство обороны // (Рассекретчено) http://www.fas.org/programs/ssp/nukes/nuclearweapons/DOD2012_RussianNukes.pdf

¹⁴ J. Robert Oppenheimer, «Atomic Weapons and American Policy», *Foreign Affairs*, July 1953, стр. 529.

прежнему осторожны и не готовы дать возможность существующим проблемам перерасти в ситуацию, когда смертоносный конфликт между ними станет возможным.

Новые угрозы

Если Соединенные Штаты и СССР были друг для друга единственной угрозой во время холодной войны, то сейчас обе страны сталкиваются с новыми, гораздо более сложными вызовами в сфере безопасности. Вызовы, стоящие перед двумя странами, и силы, необходимые для того, чтобы на них ответить, больше не симметричны, и национальная безопасность не может уже быть обеспечена лишь одним наступательным ядерным потенциалом. Условия безопасности России и США больше не идентичны.

Рост потенциала третьих стран, в частности Китая, по разному повлиял на стратегические интересы США и России. Китай воспринимается в США как фактор нестабильности. Он не признает свои нынешние границы как данность и несколько раз в последние десятилетия расширял свою территорию за счет сделок и завоеваний. В отличие от США, у России протяженная сухопутная граница с Китаем. В настоящее время Китай тратит на военные нужды примерно вдвое больше, чем Россия. Китай также значительно превосходит Россию по численности населения и в размере – хотя, возможно, не в качестве – неядерных вооруженных сил. Россия также может быть теоретически уязвима для китайских ракет средней дальности, в то время как она сама демонтирует свои ракеты согласно договорным обязательствам с Соединенными Штатами. Ее отношения с Китаем сегодня по-настоящему добрососедские, но по всей видимости России в обозримом будущем потребуются неафишируемый потенциал сдерживания путем возможности ядерного удара, как гарантии против вероятной, хоть и крайне неправдоподобной в ближайшие десятилетия, китайской экспансии. Это является сдерживающим фактором, который служит интересам как США, так и России, поскольку США, по крайней мере официально, стремятся к тому, чтобы Китай стабильно развивался в его нынешних границах, а Россия хочет сохранить свою территориальную целостность. Российский потенциал ядерного сдерживания также лежит в основе более дружественных отношений с Китаем, нежели у других соседей этой страны, которые не обладают потенциалом ядерного сдерживания.

Соединенные Штаты видят подъем Китая в совсем ином свете. Неядерный военный потенциал Китая и его ракеты средней дальности не представляют прямую угрозу территории США, хотя Китай обладает и гарантированной возможностью доставки своих ядерных сил и на большие расстояния, что угрожает и США. Рост могущества Китая влияет на Соединенные Штаты в первую очередь посредством потенциальной угрозы, которую Китай несет как растущая держава, не заинтересованная в сохранении статуса кво, как угроза их кибер-безопасности, и как угроза для союзников и интересов США в регионе. Китайские территориальные претензии вдоль его морской границы потенциально представляют угрозу торговым путям и контролю над ресурсами, а также союзникам, США.

Вашингтон заинтересован в росте интегрированного и мирного Китая в его нынешних границах, но Китай является экзистенциальной угрозой для Соединенных Штатов лишь благодаря его наступательному ядерному потенциалу большой дальности. США могут и дальше сдерживать эту угрозу контр-угрозой ответного ядерного удара. Это является тем сдерживающим фактором, который служит как США, так и России и, возможно, создает предпосылки для положительных отношений с Китаем, сдерживая его агрессивные усилия изменить статус-кво. Однако в отличие от гарантированной российской угрозы, нет уверенности, что ядерное сдерживание США распространяется и на их союзников в регионе, и не совсем ясно при каких обстоятельствах Соединенные Штаты будут готовы задействовать свои стратегические силы.

Точно так же, как и укрепление Китая, другие изменения на международной арене очень по разному влияют на США и Россию. Тут нет ни общности интересов, ни одинаковых возможностей. Россия не может рассматривать иранский ядерный потенциал как угрозу, потому что он скорее всего не будет направлен против нее в ближайшее время, однако США и их союзники считают это одной из основных угроз для себя. Расхождения особенно заметны в тех областях, которые не могут считаться «экзистенциальными» угрозами.

Единственная экзистенциальная угроза, с которой сталкиваются США, это возможность ядерной атаки на их территорию со стороны России или, возможно, Китая, но Соединенные Штаты стремятся обеспечить безопасность и в более широком (и спорном) смысле этого слова. Это более широкое понятие безопасности включает в себя устранение угрозы ограниченных атак на их территорию и на их союзников, стремление избежать территориального расширения других государств путем принуждения или завоевания (сохранение международного территориального статуса-кво), ограничение на распространение ядерного оружия и баллистических ракетных технологий, которая позволила бы другим государствам нанести удар по их территории, предотвращение создания и использования оружия массового поражения, а также избирательная и несистематичная защита прав человека. США также стремятся расширить и укрепить торговую систему и систему прав собственности, которые, по их мнению, лежат в основе процветания страны.

Стоит отметить, однако, что США последовательно демонстрируют, что с точки зрения территории, они являются сторонниками статус-кво. США не использовали свою военную мощь для расширения собственной территории вот уже более века, у них нет существенных нерешенных территориальных претензий. Ведущие державы на их собственном полушарии (Бразилия и Аргентина) не испытывают давления со стороны США, несмотря на отсутствие у них ядерного потенциала и явное военное превосходство Вашингтона. Тем не менее, Соединенные Штаты не являются сторонниками статус-кво во всех отношениях: благодаря проповедничеству либерализма и другим принципам вмешательства существует вероятность, что военный потенциал США будет использоваться для смены режимов, операций «ответственность за защиту» (R2P), и других подобных мероприятий за рубежом.

В этом смысле США сталкиваются с гораздо более сложной обстановкой в области безопасности, потому что они определяют безопасность в более широком смысле, чем национальная оборона и выживание страны. В результате, все больше явлений видятся из Вашингтона как угрозы, на которые США хотели бы иметь вооруженный ответ, и это часто оказывается потенциальной угрозой для России или затрагивает ее интересы.

Асимметрия неядерного потенциала

США и Россия не только находятся в изменившихся обстоятельствах с точки зрения безопасности и стоят перед лицом целого ряда других угроз, но им также приходится все время задействовать разные ресурсы, чтобы найти ответ на эти угрозы. Симметричность вооруженных сил США и России также заметно снизилась в последние годы, по мере того, как США добились превосходства в неядерном потенциале, а соответствующий потенциал России уменьшился. После распада СССР США не только сохранили, но и усилили свой наступательный неядерный потенциал, и в настоящее время являются доминирующей мировой державой и с точки зрения существующего потенциала и военных расходов. Это единственная страна, имеющая достаточный наступательный неядерный потенциал, чтобы проецировать военную силу против вооруженных сил малой и средней категории по всему миру. После распада Советского Союза США разработали и внедрили новые системы неядерного оружия (беспилотные летательные аппараты и т.д.) и продемонстрировали готовность использовать этот наступательный потенциал в конфликтах, а также для достижения многих целей, невыполнимых во время холодной войны. Соединенные Штаты также выделили значительные ресурсы на создание ПРО после конца холодной войны, особенно после того, как они разорвали Договор по ПРО 1972 года.

После распада СССР неядерный потенциал России по сравнению с другими великими державами продолжал сокращаться вплоть до возникновения чрезвычайной ситуации в Грузии в августе 2008 года, хотя затем он был несколько восстановлен. СССР добился определенного прогресса в области ПРО и развернул несколько таких систем во время холодной войны, но Россия, похоже, главным образом полагается на ядерное сдерживание посредством своего существующего потенциала ответного удара для обеспечения безопасности своей территории. Мини-угрозам, которым невозможно противопоставить ядерное сдерживание – в первую очередь терроризму, главным образом на Кавказе – были противопоставлены «мини-возможности», т.е., развитие антитеррористических сил и войск специального назначения.

Однако сейчас новый спектр потенциальных угроз, в том числе растущая нестабильность на постсоветском пространстве, заставляют Россию переориентироваться от ядерного сдерживания и борьбы с терроризмом на развитие сил, способных выполнять сложные тактические функции. В последние годы Россия повысила свой неядерный военный потенциал и провела успешную операцию по принуждению к миру в отношении Грузии, а также продемонстрировала свои возможности в боевом развертывании и управлении

во время украинского кризиса весной 2014 года. Она также имеет впечатляющий неядерный оборонительный потенциал (особенно в области ПВО). Однако принимая во внимание протяженность ее границ, неполный переход армии на профессиональную основу и десятилетия крайне низких военных расходов, Россия, скорее всего, не сможет защитить свою территорию, полагаясь исключительно на неядерные средства.

Желание Соединенных Штатов – да в скором будущем и России – защитить себя от потенциальной угрозы ограниченного, примитивного удара баллистической ракетой вполне оправдано. Учитывая возросший потенциал недружественных стран, возможность «неподконтрольного использования» ядерного оружия, а также аварии, несчастные случаи, вышедший из-под контроля персонал, теракты и т.д., противоракетная оборона является желательным ответом на угрозу ограниченного ракетного удара. Обе страны также вполне разумно обеспокоены возникновением ситуации, когда угроза ядерного возмездия может не сработать, и для эффективной обороны окажутся затребованы как противоракетная оборона, так и неядерный потенциал.¹⁵ По этой причине США скорее всего продолжат расширять свой оборонный потенциал во всех сферах, в том числе и в системах ПРО. Россия также намеревается обновить свою национальную систему противоракетной обороны, сделав ее более гибкой и мобильной по сравнению с той, которая досталась ей от СССР. И все же ни один из этих защитных шагов, ни в России, ни США, не сможет в ближайшее время изменить стратегический паритет в наступательном ядерном потенциале.

В целом, с момента распада СССР количество угроз безопасности с точки зрения США значительно увеличилось, и портфель средств безопасности Соединенных Штатов был расширен. Он включает в себя повышенный неядерный потенциал и противоракетную оборону – при том, что Вашингтон сохраняет свои наступательные ядерные возможности. Россия тем временем столкнулась с новым набором угроз ее территории, но она упростила свой выбор средств безопасности, сведя их к почти полной зависимости от использования в качестве сдерживающего фактора своего наступательного ядерного потенциала.

Необходимость почти полностью опереться на ядерный меч определялась двумя основными факторами: нехваткой ресурсов для развития других средств обороны и отсутствие стратегического видения, которое дало бы возможность четко понять, что именно России необходимо из широкого портфеля средств безопасности, чтобы должным образом ответить на новые вызовы на международной арене. На самом деле это был если не единственный, то, во всяком случае, наиболее эффективный вариант, позволяющий совместить вынужденное снижение военных расходов с необходимостью обеспечить безопасность на самой большой государственной территории в мире.

¹⁵ Следует отметить, что США никогда не принимали идею применения ядерного оружия против гражданского населения и даже во время холодной войны рассматривали несколько альтернативных вариантов (гибкое реагирование), которые позволили бы им избежать ситуаций, в которых им пришлось бы нанести удар по населению.

Часть третья: возможные источники безопасности

Эта асимметричность в портфелях средств безопасности Соединенных Штатов и России оказывает существенное влияние, как на будущее ограничений ядерных вооружений, так и на стратегические отношения между США и Россией. В качестве повестки дня между США и Россией мы предлагаем следующие темы:

Ограничение ядерных арсеналов до уровня надежного наступательного потенциала

На ранней стадии холодной войны отношения между США и Россией были крайне враждебными, и вероятность массированного внезапного нападения вытекала из природы этих отношений, а также технологий того времени. Сегодня же ни взаимоотношения между США и Россией, ни уровень технологического развития не дают основания полагать, что массированная и внезапная контрсиловая атака может быть серьезной основой для формулирования политики. Хотя нельзя полностью исключить возможность внезапного массированного ядерного контрсилового удара, он, конечно же, маловероятен в нынешних условиях.

Не существует никакой проблемы или камня преткновения между США и Россией, которые могли бы оправдать для одной из сторон попытку уничтожения другой при наличии высокой степени риска для большей части собственного населения. Также нет и никаких экзистенциальных проблем на горизонте, а усилия по сохранению потенциала ответного удара, который бы минимизировал эффективность внезапного нападения, больше не требуются для обеспечения стабильности. Сохранение гарантированной способности второго удара – дорогостоящий ответ на угрозу, которой в отношениях между США и Россией больше не существует, и которая вряд ли появится в отношениях с другими усиливающимися державами. Гарантированного наступательного потенциала, построенного на основе гораздо меньшего (и высоко-технического) ядерного арсенала, должно быть вполне достаточно как сдерживающего фактора.¹⁶

Наше мнение подтверждается как опытом холодной войны, так и реальностью современных условий. Даже в основной период холодной войны гарантированный ответный удар, скорее всего, не был существенным фактором обеспечивающим «кризисную стабильность» или сдерживание. Ядерную войну, конечно же, избежали бы и без него, и на протяжении значительной части холодной войны у США и СССР не было потенциала гарантированного ответного удара. Она появилась лишь

¹⁶ Ядерные силы также должны быть достаточно крупными, чтобы оставаться сдерживающим фактором против арсеналов третьих лиц (например, Китая).

после 1960 года. Даже в годы, когда противостояние между этими двумя странами было в самом разгаре, когда разрушения, нанесенные в результате ядерной войны, были бы значительно менее существенны благодаря меньшей мощности ядерного оружия, и когда СССР имел законные основания опасаться потери всего своего ядерного арсенала в результате внезапного нападения, он не прибегнул к первому запуску. Хотя мы знаем, что возможность внезапного контрсилового удара серьезно обсуждалась в правительствах США и СССР в первые годы холодной войны, эти страны просуществовали более четырех десятилетий не начав войны, и не задействовав ядерное оружие в военных конфликтах.

Не стоит долго гадать, почему ни одна из сторон не нанесла первого ядерного удара. Однако представляется, что обе стороны были крайне осторожны, или, по крайней мере, не собирались уничтожать миллионы граждан противника, ставя под угрозу собственное население – во всяком случае, пока на карте не стояла ясная и четкая угроза их суверенитету. СССР придерживался принципа «запуск по предупреждению» в качестве сдерживания на протяжении всей холодной войны – и этот принцип похож на тот, который мы предлагаем – но он существовал в условиях гораздо более мощном ядерном арсенале.

Таким образом отказ от возможности нанести ответный удар не снижает стабилизирующий эффект ядерного оружия – хотя многие аналитики все еще так считают.¹⁷ Возможность нанести разрушительный первый удар «по предупреждению» была достаточно сильным сдерживающим фактором даже когда отношения между США и СССР были враждебными и намерение сторон уничтожить друг друга считалось реальным.^{18 19} Вряд ли взаимно-гарантированный ответный удар был когда-либо главной причиной, почему ядерный конфликт не произошел во время холодной войны. Не является он и основным фактором «стратегической стабильности» сегодня.

Возможно, роль структуры ядерных сил в системе сдерживания невелика и не должна рассматриваться в отрыве от более широких интересов, рисков или управления силами самих стран. Помимо структуры сил научные изыскания в области сдерживания в 1970-е и 1980-е гг. указывали и на другие источники стабильности или нестабильности, помимо структуры ядерных сил США и СССР. После Карибского кризиса в академической среде возникла обеспокоенность угрозой, которую представляет собой персонал командующий и управляющий

¹⁷ Американцы предпочитали равенство собственному превосходству в ситуациях, когда равенство считалось стабилизирующим согласно их абстрактных моделей. Советский Союз, однако, скорее всего считал, что стабильность может быть достигнута прежде всего за счет его собственного превосходства, и продолжал производить новые ракеты даже того как он достиг паритета с США. Нет никаких указаний на то, что советская сторона считала, что для достижения стабильности обе стороны должны были обладать способностью уничтожить противника ответным ударом. Наоборот, они считали, что «стабильная» ситуация это когда советские силы имели превосходство на своей стороне. См. Yost, 2011, стр. 18, 22.

¹⁸ И действительно, хотя сдерживание по принципу «запуск по предупреждению» считается менее стабильным, больший риск запуска в период эскалации кризиса может также увеличить осторожность обеих сторон и помешать эскалации конфликтов более низкого уровня. «Стратегическая стабильность» в ядерных отношениях, предусмотренных гарантированным потенциалом ответного удара может создать проблему морального риска, поощряя более конфликтные взаимодействия с использованием неядерных сил. Запуск по предупреждению, как это ни парадоксально, является более стабилизирующим фактором.

¹⁹ Нам неизвестна ни одна ситуация во время холодной войны, когда бы США или СССР приняли решение не наносить контрсиловой удар по противнику было бы отменено в момент предупреждения о готовящемся нападении благодаря их способности нанести ответный удар после нападения.

ядерными силами (СЗ), а именно, неконтролируемые офицеры, ошибочная информация или случайный запуск. Эта обеспокоенность не имела серьезного влияния на ядерную стратегию или на международные соглашения.²⁰

Более поздние исследования концентрировались на склонности к риску и балансе решимости как важнейших факторах в определении эффективности сдерживания.²¹ И, наконец, эффективность и даже необходимость сдерживания среди ядерных держав в значительной степени зависит от отношений между государствами. Если отношения не откровенно враждебные, и если жизненные интересы не поставлены на карту, то соблазн использовать силу против ядерной державы минимален и необходимость к сдерживания значительно уменьшается. В таких случаях, ядерная угроза полезна в качестве страховки от возможной атаки, но не служит никакой конкретной цели в качестве сдерживающего фактора.

Принимая во внимание современные возможности обнаружения запуска и минимальную прозрачность в отношениях между США и Россией, ограниченного наступательного ядерного потенциала, способного нанести неприемлемые разрушения нескольким противникам (но не обязательно после перенесенного внезапного контрсилового удара) должно быть более чем достаточно для обеспечения стабильного сдерживания в отношениях между США и Россией. Учитывая низкий уровень враждебности между двумя странами, большей степени прозрачности и возможностей для контактов, а также наличие более развитых систем раннего предупреждения, наличие наступательного арсенала, способного нанести удар (а не гарантированно «выстоять» после первого удара) было бы достаточно для обеспечения стабильного сдерживания.

В некотором смысле это сродни принципу «запуска по предупреждению», принятому в СССР в период холодной войны, но в более стабильном контекста, в котором экзистенциальная угроза сведена к минимуму. Отношения должны значительно ухудшиться для того, чтобы ошибочное предупреждение или плохая связь могли спровоцировать наступательный удар, тогда как риск использования ядерного оружия может даже в какой-то мере служить стимулом для де-эскалации напряженности в аспекте, предложенном нынешней российской военной доктриной. Наступательный ядерный потенциал каждой из сторон будет по-прежнему оказывать стабилизирующее влияние на американо-российские отношения и на отношения с третьими странами. Однако фокус необходимо сделать на способности нанести ряд эффективных ядерных ударов – а не на возможность «выжить» для ядерных сил, которые могли бы быть задействованы после массивной контрсилового атаки (Армагеддона) – потребует гораздо меньшего арсенала и систем доставки, чем в настоящее время. Это позволит также отказаться от дорогостоящей «триады».

²⁰ Steinbruner 1978, 1981–82; Bracken 1983; Blair 1985, 1993, 1994; Glasser 1992; Feaver 1992, 1994; Thayer 1994; Sagan 1994.

²¹ Как сформулировал Пауэлл: «чем решительнее государство, тем больше оно настойчиво, и тем больше риск, на который оно готово пойти до того, как отступить.» Чем больше оно готово рисковать, тем выше вероятность того, что его нельзя будет сдержать, и в результате может произойти обмен ядерными ударами. Государства, сильно заинтересованные в результатах, готовы принять большую степень риска. Их менее вероятно успешно сдержать. Powell.

В целом стратегия, направленная на предотвращение или возможность выживания после внезапного ядерного контрсилового удара, больше не является полезной основой для политики. С другой стороны, ограниченный наступательный ядерный потенциал остается стабилизирующим фактором, поскольку он удерживает потенциальных противников от военных действий, и, следовательно, он должен быть сохранен.

ПРО, даже разработанная в одностороннем порядке, не обязательно является дестабилизирующим фактором

В вопросе ПРО большая степень безопасности Соединенных Штатов не делает Россию менее безопасной в современных условиях. В теории, поскольку Россия полагается исключительно на свою гарантированную способность «наказать» тех, кто угрожает ее безопасности эффективным ракетно-ядерным ударом, а системы ПРО, в потенциале, могут снизить эффективность этого удара, то системы они могут считаться фактором, уменьшающим безопасность России. Это серьезно беспокоит Россию в отношениях с США. Если ПРО США позволяют эффективно защититься против существующего наступательного ядерного потенциала России и если предположить, что США готовы нанести обезоруживающий первый удар по России, развитие американской ПРО и правда подрывает ее безопасность. Однако ни одно из этих двух условий не выполнимо.

Учитывая современные технологии доставки и размер ракетных войск России, ее наступательный ядерный потенциал остается эффективным против всех возможных систем противоракетной обороны. США не будут в состоянии защитить свою территорию от российского ядерного удара. При относительно недорогих модификациях и дополнительных средствах проникновения, российский арсенал по-прежнему будет эффективен против ПРО США при в мыслимом будущем. Но при сокращении ядерных арсеналов и совершенствовании систем ПРО могут возникнуть условия, при которых Россия потеряет средства ядерного сдерживания. Поэтому Россия разумно связывает любое будущее сокращение своих ядерных сил с будущим развитием систем ПРО. И поэтому же любые меры безопасности должны оптимизировать размер и техническое оснащение российских ядерных сил, так что ее способность нанести поражающий удар сохранится в качестве сдерживающего фактора.

Несомненно России будет достаточен менее мощный ядерный арсенал, чем тот, который существует сейчас, но он должен скорее всего оставаться крупным по размеру – во всяком случае, большим чем тот, который потребуются США для того, чтобы сохранить свой сдерживающий потенциал против России, учитывая, что Россия в настоящее время не разрабатывает сложных систем противоракетной обороны. Проще говоря, России, возможно, потребуется несколько больший и/или более высокотехнологичный арсенал, чем был бы нужен ей если бы у США не было никаких ПРО. И, конечно, несколько больший арсенал, чем тот, который потребуются США, если Россия останется со своими ограниченными ПРО. Это именно то, что мы называем совместимостью, а не симметрией структур ядерных сил. Иными словам, повышенная потребность США в ПРО может совмещаться

с необходимостью для России сохранить свой потенциал ядерного сдерживания, но это требует, чтобы структура сил двух стран не была идентична и паритет в количестве боеголовок некоторых категорий был нарушен.

Стратегическая совместимость, а не паритет, обеспечит безопасность

По причинам, изложенным выше, договоры по симметричному двустороннему сокращению вооружений – основополагающий фундамент традиционного ограничения вооружений – больше не являются эффективным способом добиться большей безопасности. Симметричные сокращения ядерных сил США и России больше не влияют симметрично на безопасность двух стран. Незначительное сокращение наступательных ядерных арсеналов, скорее всего, никак не отразится на российском потенциале сдерживания, но определенные существенные сокращения возможно увеличат нестабильность для России в значительно большей степени, чем для Соединенных Штатов. В самом крайнем случае, полное ядерное разоружение все равно не увеличит значительно уязвимость Соединенных Штатов к военной угрозе, но зато Россия окажется в ситуации крайней уязвимости. Это произойдет даже в том случае, если бы Соединенные Штаты не считались угрозой для России.

В современных условиях есть возможность увеличить уровень безопасности для обеих стран в краткосрочной перспективе, если США и Россия разработают для себя разные, но совместимые портфели средств безопасности. США могут работать над усилением своего оборонительного потенциала (как неядерных сил, так и ПРО), а Россия прежде всего должна сосредоточиться на поддержании надежного наступательного ядерного потенциала как средства сдерживания. Эти меры будут эффективно обеспечивать безопасность для обеих стран посредством обороны и сдерживания в отношении третьих стран и друг против друга.

В целом, это не более чем подтверждение уже существующих тенденций. США будут продолжать строить свои оборонные силы, развивая системы противоракетной обороны совместно со своими союзниками и партнерами, которые будут эффективно предохранять их от большинства малых и средних ядерных арсеналов. Более надежная оборона позволит США провести односторонние сокращения их наступательного ядерного арсенала. Снижение наступательного арсенала параллельно с увеличивающимся оборонительным потенциалом не будет иметь дестабилизирующего воздействия на отношения с крупными державами, включая Россию. Портфель средств безопасности США, таким образом, будет состоять из сбалансированных оборонительных и наступательных возможностей.

Россия же может продолжать концентрировать военные усилия на сохранении своего наступательного потенциала, т.е., способности нанести ядерный удар как сдерживающего фактора против Китая, США, и других потенциальных угроз. Россия сохранит способность пробивать оборону США, причем уверенность в этой ее способности может быть поддержана соглашением о прозрачности, которое позволило бы российской стороне получить достаточно технической информации о системе ПРО США. Таким образом, российское руководство не

будет иметь сомнений в том, что ядерные ракеты России смогут проникнуть через любой оборонительный щит, развернутый США. Россия сохранит свой наступательный ядерный арсенал в оптимальном размере и со структурой, необходимой для поддержания сдерживания. Российская безопасность таким образом будет определяться ее способностью нанести разрушительный ядерный удар против любого возможного противника.

Для достижения этих целей не требуется никакого официального сотрудничества или союзнического договора между Россией и США. Как отмечалось выше, обе страны разделяют цель сохранить Китай мирным и в его нынешних границах. Сдерживающий фактор, который обе страны обеспечивают независимо друг от друга, служит этой цели. Никакого формального союза для достижения этого результата не требуется. Более того, такой союз, скорее всего, увеличил бы напряженность в отношениях с Китаем. Сдерживание китайских территориальных амбиций представляется естественным результатом американской и российской ядерной стратегии, без какой-либо координации между ними. А стабильность на основе правильно понимаемых интересов и возможностей может быть достигнута даже при отсутствии доверия.

Прозрачность повышает безопасность

Холодная война оставила нам несколько полезных уроков. Каждое из предложений, изложенных выше, будет более эффективным, если его подкрепляют структуры и институты, чья задача сохранить и приумножить доверие и прозрачность в американо-российских отношениях. В приведенном выше предложении безопасность обеспечивается мощным потенциалом двух стран. Секретность в этой ситуации наносит ущерб безопасности, создавая информационные белые пятна, которые повышают вероятность войны.

Четкое осознание потенциала каждой страны, как он разворачивается, а также раннее предупреждение об его разворачивании, повышают безопасность обеих стран. Полная информация по ПРО каждой страны обеспечивает уверенность в эффективности наступательного потенциала, что необходимо для поддержания сдерживания, позволяя обеим сторонам оптимизировать количество и тип оружия в своих арсеналах. Постоянное отслеживание пусковых площадок (через телекамеры замкнутой системы) обеспечит своевременное предупреждение о запуске и будет способствовать укреплению стабильности системы запуска по предупреждению, позволяя ограничить число боеголовок, необходимых для поддержания ее эффективности.

Как это было в поздние годы холодной войны, нет необходимости, чтобы эти меры безопасности основывались на взаимном доверии или теплых отношениях. Просто это служит стратегическим интересам обеих сторон.

Выводы

Как Соединенные Штаты, так и Россия в настоящее время сталкиваются с трудным выбором в вопросах, касающихся их безопасности и структуры их ядерных арсеналов. Ядерное оружие и системы его доставки, как и любые механизмы, имеют ограниченный срок действия. Как американские, так и российские арсеналы приближаются концу их периода эксплуатации. Эти две страны больше не стоят перед решением, нужно ли им демонтировать крупные арсеналы времен холодной войны, предназначенные для контрсилловых ударов и гарантированной возможности ответного удара. Теперь каждая страна должна решить, нужно ли ей создавать эти ядерные силы заново.

Делая этот выбор сегодня, нет стратегической необходимости воссоздавать или сохранять «триаду»²² и крупные ядерные арсеналы, которые считались необходимыми для стратегической стабильности в период холодной войны. Условия явно изменились. Прошлые понятия стратегической стабильности должны быть пересмотрены в новых условиях, и политика, которая отвечала нуждам холодной войны, должна быть изменена. Мы предлагаем три основных изменения ядерной доктрины:

В период холодной войны единственная экзистенциальная угроза для США и СССР исходила друг от друга, а вероятность того, что обе стороны воспользуются возможностью, чтобы уничтожить противника используя наступательный ядерный удар считалась реалистичной основой для планирования политики. Многие меры безопасности времен холодной войны, которые по-прежнему преобладают в сегодняшних условиях, были разработаны для того, чтобы гарантировать США и СССР способность выдержать первоначальный ядерный контрсилловый удар, а затем доставить ядерное возмездие на территорию противника. Некоторые американские стратеги считали, что «способность выжить» для ядерных сил была необходима для достижения «стратегической стабильности», снижая необходимость сторон прибегнуть к упреждающему ядерному удару в условиях кризиса. Если ответный удар может быть нанесен и после контрсиллового удара, то не было никакого резона торопиться и запустить ядерные ракеты в условиях кризиса. Системы ПРО считались дестабилизирующими – не потому, что они могли создать непроницаемый щит против первой атаки, а потому, что они могли ограничить эффективность второго удара. Ослабление эффективности ответного удара тогда делало кризисные ситуации менее стабильным, создавая стимул для нанесения удара первым.

Зацикленность на сохранении гарантированной способности нанести ответный удар как существенного фактора стабильности между ядерными державами – стратегия, предназначенная для мира, которого больше не существует, а может и никогда не существовало. Сегодня нет теплых отношений между США и

²² Три опоры ядерного потенциала состоят из межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок и стратегических бомбардировщиков.

Россией, но ни США, ни Россия не собираются уничтожать друг друга, даже если им представится такая возможность. Внезапный российский ядерный удар, цель которого уничтожить ядерную мощь США до того, как США сможет отреагировать, больше не является чем-то правдоподобным. Точно так же Россия по-видимому считает неожиданный ядерный контрсилловой удар с стороны США чрезвычайно отдаленной перспективой. Если же внезапный ядерный удар больше не ожидается, то дорогостоящая структура вооруженных сил, созданная для отражения этой угрозы и позволяющая сохранить способность ответного удара, является устаревшей.²³ В лучшем случае, это роскошь, которую ни США, ни Россия не могут себе позволить в настоящее время.

Это не призыв к ликвидации ядерных арсеналов обеих стран. Даже если бы взаимной вражды и угрозы между Россией и США больше не существовало, ядерное разоружение было бы крайне дестабилизирующим для двусторонних отношений, поскольку в результате США получили бы огромное превосходство, поставив Россию в положение крайней уязвимости. Более того, это сделало бы обе страны уязвимыми в отношении Китая и других стран, которые либо уже приобрели или могут еще приобрести ядерный потенциал. Ядерные арсеналы не роскошь, и ни США, ни Россия не могут позволить себе отказаться от них в краткосрочной перспективе. Безопасность для обеих стран сохранится, если у США будет возможность обороняться против третьих стран и поддерживать ограниченный, но эффективный наступательный ядерный арсенал в качестве сдерживающего фактора, в то время как для России сдерживание будет обусловлено наличием большего, и более высокотехнологического, наступательного ядерного арсенала обладающего способностью проникать любые системы противоракетной обороны. Это позволило бы наладить стабильные и безопасные отношения между США и Россией в условиях отсутствия паритета в их ядерных или обычных вооруженных силах. Это положило бы конец попыткам ограничить вооружения на основе паритета и симметрии в силах двух стран, которые продолжаются уже многие десятилетия, перенеся их на основу совместимости - что должно упрочить безопасность для обеих сторон.

В настоящее время противостояние России и США менее враждебно, чем во времена холодной войны. Но и следует признать, что уровень доверия между ними не так высок, чтобы создать более крепкие институциональные отношения – такие например как те, что существуют между Соединенными Штатами и их европейскими союзниками – даже если их отсутствие наносит значительной ущерб безопасности обеих стран. Тем не менее, более доверительные отношения должны оставаться долгосрочной целью, и мы должны создать условия для ее достижения.

²³ И если мы считаем, что случайный запуск является серьезным фактором риска, то такие крупные и диверсифицированные ядерные арсеналы увеличивают этот фактор риска.

Библиография

“Memorandum from Director of Central Intelligence Holmes to the President’s Special Assistant (Rostow).” Dec 10, 1966. In *Foreign Relations of the United States, 1964-1968*. Volume XI, Document 171.

Alexey Arbatov. *Beyond Nuclear Deterrence: transforming the US-Russia Equation* (Washington, DC, 2006)

Alexey Arbatov. *Missile Defense: Confrontation and Cooperation* (Moscow: Carnegie Moscow Center, 2013)

Alexey Arbatov. *Nuclear Reset: Arms Reduction and Proliferation* (Moscow: Carnegie Moscow Center, 2012)

Alexey Arbatov, Vladimir Dvorkin. *Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons, Treaties* (Moscow: Carnegie Moscow Center, 2009)

Bruce G. Blair, *Strategic Command and Control: Redefining the Nuclear Threat*. (Washington, DC: Brookings, 1985)

Bruce G. Blair, *The Logic of Accidental Nuclear War* (Washington, D.C.: Brookings, 1993)

Bruce G. Blair, “Nuclear Inadvertence: Theory and Evidence,” *Security Studies*, Vol. 3, No. 3 (Spring 1994)

Bernard Brodie, *The Absolute Weapon*. (New York: Harcourt, Brace, 1946).

Dmitry Trenin. *A Strategy for Stable Peace* (Washington: US Institute of Peace, 2002)

Michael S. Gerson, “The Origins of Strategic Stability: The United States and the Threat of Surprise Attack,” In *Strategic Stability: Contending Interpretations*, Edlbridge A. Colby and Michael S. Gerson eds. (Carlisle, PA: US Army War College Press, 2013), p. 1-46.

Paul Bracken, *The Command and Control of Nuclear Forces*. (New Haven: Yale University Press, 1983).

Peter D. Feaver, *Guarding the Guardians: Civilian Control of Nuclear Weapons in the United States* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992)

Peter D. Feaver, “The Politics of Inadvertence,” *Security Studies*, Vol. 3, No. 3 (Spring 1994), pp. 501–508.

Robert D. Glasser, "Enduring Misperceptions of Strategic Stability: The Role of Nuclear Missile-Carrying Submarines." *Journal of Peace Research*, 29/1 (February 1992), pp. 23-47.

Robert Powell, "Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation, and National Missile Defense," *International Security*, Volume 27, Number 4, Spring 2003, pp. 86-118

Scott D. Sagan, *The Limits of Safety: Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993)

Scott D. Sagan, "The Perils of Proliferation: Organization Theory, Deterrence Theory, and the Spread of Nuclear Weapons," *International Security* 18/4 (Spring 1994).

Thomas C. Schelling, "Foreword," In *Strategic Stability: Contending Interpretations*, Edlbridge A. Colby and Michael S. Gerson eds. (Carlisle, PA: US Army War College Press, 2013)

Thomas C. Schelling and Morton H. Halperin, *Strategy and Arms Control*, New York: The Twentieth Century Fund, 1961

John Steinbruner, "National Security and the Concept of Strategic Stability," *Journal of Conflict Resolution*, 22 (September 1978), pp. 411-428.

Jeremi Suri, "America's Search for a Technological Solution to the Arms Race: The Surprise Attack Conference of 1958 and a Challenge for 'Eisenhower Revisionists,'" *Diplomatic History*, Vol. 21, No. 3, Summer 1997, pp. 417-45

Bradley Thayer, "The Risk of Nuclear Inadvertence: A Review Essay," *Security Studies*, Vol. 3, No. 3., pp. (1994), 428-493.

David S. Yost. "Strategic Stability in the Cold War: Lessons for Continuing Challenges."

IFRI Security Studies Center Proliferation Papers (Winter 2011).

Выражение признательности

Авторы выражают благодарность Дмитрию Суслову, Самуэлю Чарапу и другим членам Рабочей группы за их рекомендации и помощь. Мы также хотим поблагодарить Дмитрия Новикова, младшего научного сотрудника Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ за помощь в конечной стадии работы над этим докладом.

Об авторах

Тимофей Вячеславович Бордачев – кандидат политических наук, директор Центра европейских и международных исследований, факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) НИУ ВШЭ; руководитель образовательной программы «Международные отношения» (магистратура) ФМЭиМП НИУ ВШЭ; член международного дискуссионного клуба «Валдай».

Автор книг: «Новый интервенционизм и современное миротворчество» (М., МОНФ, 1998) — первого в России фундаментального исследования на данную тему, «Пределы Европеизации. Россия и Европейский союз в 1991 – 2007 годах: теория и практика отношений». М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ. 2007. – 258 с., «Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки»». М.: Европа, 2009. – 304 с. Редактор, соредатор и член редакционной коллегии книг: «Мир вокруг России: 2017», СВОП, ГУ-ВШЭ, РИО – Центр. М., «Культурная революция», 2007.; «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить». М.: Олимп – Русь. 2008.; «Азиатский многоугольник: конфликтность и потенциал интеграции». М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ. 2007.; «Где и как Россия может выиграть от мирового экономического кризиса». М.: ГУ ВШЭ, 2009.; «Лики силы: интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики», М., Международные отношения 2013. Соавтор более чем 300 аналитических материалов для органов государственной власти РФ по вопросам внутреннего развития Европейского союза и отношений Россия – Европейский союз в 2004 – 2011 годах. Как исследователь специализируется в областях российско-европейских отношений, внешней политики Европейского союза, отношений между властью и бизнесом в Европе, европейской и международной безопасности.

Кит Дарден – доцент Школы международной службы Американского университета в Вашингтоне. Его специализация - сравнительная политология, международные отношения и политика стран Евразии. Его первая книга, “Либерализм в экономике и его конкуренты: История создания международных институтов в постсоветских государствах”, вышла в 2009 году в издательстве Кембриджского университета. Ей был присвоен приз Hewett в 2010 году присуждаемый Ассоциацией по изучению стран Азии, Восточной Европы и Евразии (ASEEES), а также поощрительное упоминание в конкурсе на Премию Шульмана. В настоящее время он занимается исследованиями в области национальной принадлежности и ее влияния на национальные восстания, сепаратизм и демократические выборы, в частности на Украине. Его вторая книга, “Сопроотивление оккупации: Массовая грамотность и создание прочной национальной принадлежности”, будет опубликована издательством Кембриджского университета в 2014 году. Это исследование вопросов, как чувство национальной принадлежности, изначально полученное в школе, влияет впоследствии на выборы, сепаратизм и вооруженное сопротивление иностранной оккупации. Его предыдущий опыт преподавания включает в себя 11 лет работы в Йельском университете; где он был одним из первых преподавателей в совместном университете Йель-Национальный Университет Сингапура. Дарден является одним из редакторов серии по проблемам международной политики в издательстве Кембриджского университета и занимался исследовательской работой в Wissenschaftszentrum в Берлине, в Центре Дэйвиса по изучению России и в Гарвардской академии международных и региональных исследований.

Рабочая группа по будущему российско-американских отношений

Российские участники

Павел Андреев, исполнительный директор, РИА Новости

Олег Барабанов, заведующий кафедрой и профессор, МГИМО; профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Тимофей Бордачёв, Заместитель декана, директор Центра комплексных европейских и международных исследований, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; руководитель исследовательских программ, Совет по внешней и оборонной политике

Сергей Веселовский, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО

Игорь Зевелев, директор, московский офис Фонда МакАртуров

Сергей Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Почетный Председатель Президиума, Совет по внешней и оборонной политике

Василий Кашин, научный сотрудник, Центр анализа стратегий и технологий

Екатерина Колдунова, заместитель декана факультета политологии, доцент кафедры Востоковедения МГИМО

Валерий Коньшев, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ

Федор Лукьянов, главный редактор, «Россия в глобальной политике»; председатель Президиума, Совет по внешней и оборонной политике

Борис Межуев, доцент, Московский государственный университет; соредатор портала Theg Americas

Георг Мирзаян, научный сотрудник, Институт США и Канады, Российская Академия наук

Татьяна Митрова, начальник отдела нефтегазового комплекса России и мира Института энергетических исследований Российской академии наук (ИНЭИ РАН)

Юлия Никитина, научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, МГИМО

Марсель Салихов, руководитель экономического департамента Института энергетики и финансов

Наталья Стапран, доцент кафедры Востоковедения МГИМО

Дмитрий Суслов, заместитель директора, Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ-ВШЭ; Заместитель директора по исследованиям СВОП

Андрей Сушенцов, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО

Михаил Троицкий, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО

Алексей Фененко, ведущий научный сотрудник, Институт международной безопасности, Российская Академия наук

Американские участники

Раби Абделал, Профессор бизнес-администрирования, Гарвардская школа бизнеса

Александра Вакру, Исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дейвиса, Гарвардский университет

Кит Дарден, доцент, Школа внешнеполитической службы, Американский университет

Тимоти Колтон, профессор государственного управления и российских исследований, декан Департамента политических исследований, Гарвардский университет

Джеффри Манкофф, Заместитель директора и научный сотрудник, Программа России и Евразии, Центр стратегических и международных исследований

Чарльз Райан, Председатель, «УФГ Ассет менеджмент» (UFG Asset Management)

Томас Ремингтон, Профессор политических наук, Университет Эмори

Мэтью Роянски, Директор, Институт Кеннана, Международный научный центр им. Вудро Вильсона

Рендалл Стоун, Профессор политических наук, Директор центра польских и центральноевропейских исследований и Центра по конфликтам и сотрудничеству им. Питера Д. Уатсона, Университет Рочестера

Моника Тофт, Профессор государственного управления и публичной политики, Оксфордский университет

Кори Уэлт, Заместитель директора, Институт европейских, российских и евразийских исследований, Школа международных дел им. Элиота, Университет им. Джорджа Вашингтона

Генри Хейл, доцент политических наук и международных отношений, директор, Институт европейских, российских и евразийских исследований, Школа международных дел им. Элиота, Университет им. Джорджа Вашингтона

Сэмюэл Чарап, старший научный сотрудник по России и Евразии, Международный институт стратегических исследований – США

Йошико Эррера, профессор политических наук, Университет Висконсина, Мэдисон

Рабочая группа по будущему российско-американских отношений

предлагает перспективным специалистам из ведущих американских и российских исследовательских центров и университетов поделиться своим видением решения самых острых проблем двусторонних отношений. Мы содействуем обмену мнениями и открытым дискуссиям среди ученых нового поколения. Мы нацелены на творческий анализ проблем и выработку политических рекомендаций, отражающих общность взглядов России и США по многим вопросам, которая, тем не менее, часто подавляется взаимным недоверием. Мы полагаем, что наш подход, основанный на двустороннем диалоге, дает наилучшие возможности улучшить взаимопонимание и разрешить спорные проблемы между нашими странами.

WORKING GROUP ON THE FUTURE OF U.S. - RUSSIA RELATIONS
РАБОЧАЯ ГРУППА ПО БУДУЩЕМУ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ